
Л. Г. САХАРОВА

**ПРОТЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
«ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНЫХ» В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(на примере викторианского течения в РПЦ)**

В статье рассмотрены особенности протестной реакции викторианского течения на политику мобилизации ресурсов государства для борьбы с врагом в годы Великой Отечественной войны. Показано, что стратегия «истинно-православных» следовала установке зарубежной РПЦ, официально благословившей А. Гитлера на войну против «сатанинской власти» и призвавшей православных сражаться на его стороне.

Ключевые слова: конфликт, Русская православная церковь, викторианское течение, Великая Отечественная война.

В среде православных верующих в начале 1940-х годов сохранялись протестные формы поведения по отношению к советской власти и ее антицерковной политике. Так, широкое распространение получили списки дел, нежелательных для христиан: служба в армии, работа в колхозах, участие в выборах, поддержка мероприятий официальной Русской православной церкви (ГАСПИ КО, Су-10914: 34). Многочисленные примеры протестного поведения накануне и в годы Великой Отечественной войны наблюдались в среде представителей викторианского течения РПЦ в Горьковской и Кировской областях (Поляков 2015; Сахарова 2000; Фоменко 1992).

Это течение, возглавляемое епископом Ижевским и Вотским Виктором (Островидовым), стало первой и наиболее радикальной оппозицией церковно-политическому курсу заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), который пошел на сближение с большевистской властью, ставшей на путь модернизации страны. Оно возникло осенью 1927 года и было распространено преимущественно в Вятской губернии и частично в Вотской автономной области. В октябре 1928 года епископа Виктора в Вятской губернии поддерживали 150 из 554 (340 – сергианских, 64 – обновленческих), или почти 1/3 всех приходов. При этом имело место примерное количественное равенство сторонников епископа Виктора и митрополита Сергия.

Историческая психология и социология истории 2/2016 165–172

Епископ Виктор – первый из иерархов, кто открыто выступил против церковной Декларации 1927 года и всего церковно-политического курса заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия, направленного на безоговорочную легитимацию светской власти и ее политики. Виктор воспринял ее как угрозу внутренней духовной свободе церкви, вынужденной вновь следовать за прагматическими интересами светской власти, вместо того чтобы придерживаться принципов аполитичности при условии признания и подчинения правительству (Поляков 2015). В записках представителей викторианского течения, которые распространялись в среде «истинно-православных верующих» в начальный период войны, говорилось: «Нельзя сотрудничать с мероприятиями, проводимыми советской властью, так как эта власть безбожная. Против этих мероприятий мы должны протестовать, удерживать от участия в них верующих и склонять их на свою сторону» (ГАСПИ КО, Су-9215: 6).

Таким образом, антисоветская позиция «истинно-православных» в СССР была сходна с позицией зарубежной РПЦ, которая устами своего предстоятеля Анастасия (Грибановского) благословила войну А. Гитлера против СССР: «Настал день, ожидаемый им (русским народом), и он ныне подлинно как бы воскресает из мертвых там, где мужественный германский меч успел рассеять его окопы <...> Освобожденная часть русского народа повсюду уже запела... “Христос Воскресе!”» (Из Пасхального... 1942).

На фронте и на оккупированных территориях «истинно-православные» переходили на сторону врага, вступали в охранные батальоны для борьбы с партизанами, активно сотрудничали с немцами по открытию храмов, поощряли и укрепляли антисоветские настроения. Рассмотрим особенности протестного поведения в Кировской и Горьковской областях.

В первые два года Великой Отечественной войны среди верующих развернулась кампания по срыву мобилизации в Красную армию, распространялись призывы к дезертирству. На 1 апреля в Кировской области находились в розыске 508 дезертиров и уклоняющихся от службы в армии. Так, в Кикнурском и Санчурском районах, где викторианские идеи были наиболее распространены, находились в розыске 236 человек. Оперативными органами только за февраль – сентябрь 1942 года в указанных районах было ликвидировано 25 землянок, построенных представителями «Истинно-православной церкви» для укрытия своих членов. В них скрыва-

лось 9 дезертиров и 44 уклоняющихся от мобилизации в армию (Кротов 1995: 24).

Дезертировавший из Красной армии осенью 1941 года тридцатипятилетний житель села Волково Кикнурского района так объяснил свое решение: «Я человек верующий и являюсь участником Истинно православной церкви. На путь дезертирства из армии встал под влиянием своего дяди, который тоже скрылся от службы в Красной армии. В течение 1939–1942 годов я посещал тайную церковь. После дезертирства в октябре 1941 года я укрывался в лесу, где у меня был построен шалаш. Еду носила жена, иногда сам ходил в село. В сентябре 1942 года меня арестовали» (ГАСПИ КО, Су-9215: 130).

Советское законодательство предусматривало жесткие меры наказания за уклонение от военной службы. Закон о всеобщей воинской обязанности от 1 сентября 1939 года не предусматривал льгот в прохождении службы для верующих: «Все мужчины – граждане СССР, без различия расы, национальности, вероисповедания, образовательного ценза, социального происхождения и положения обязаны отбывать военную службу в составе вооруженных сил СССР» (Сборник... 1966: 385).

В условиях военного времени суровая политика государства по отношению к дезертирам была целесообразна. В рамках жесткой идеологической концепции партии по защите советского строя и в связи с трудными условиями военного времени подобные действия влекли за собой уголовную ответственность по статье 67 УК РСФСР (от 6 месяцев тюремного заключения и направление на военную службу) (Там же).

Большинство лиц, подвергшихся наказаниям за уклонения от военной службы по религиозным мотивам, получили длительные сроки тюремного заключения, так как их действия включали в себя элементы антисоветских выступлений (ГАСПИ КО, Су-9215: 307).

Опасность для организации трудового процесса на селе во время Великой Отечественной войны представляло сохранившееся негативное отношение части крестьянства, которое оставалось наиболее религиозной частью населения, к колхозному строю. Государство имело неограниченное влияние на ведение колхозного хозяйства и распределение продукции. Изъятие большей части сельскохозяйственной продукции для снабжения фронта и города в военное время ставило деревню на грань голода и нищеты. Бюрократическое отношение чиновников вызывало резкую критику вла-

стей, порой имевшую религиозную окраску. Жительница деревни Быки Кировской области, жена фронтовика Н. Т. Быкова говорила: «Сгорел бы там на самом большом огне тот, кто организовал эти колхозы. Расстрелять их всех нужно. Была я единоличницей – у меня был и хлеб и корова, а сейчас приходится умирать с голода» (Кротов 1995: 27).

Число единоличных хозяйств в Кировской области было значительным. На 1 января 1943 года в 54 районах Кировской области насчитывалось 7606 единоличных хозяйств. В 13 южных районах их было 6525, или 85 % от общего числа (Миклин 1995: 20). Крестьяне были недовольны жесткой политикой налогообложения в военные годы. В основе недовольства лежали не только религиозные мотивы непринятия насаждающихся атеистической советской властью колхозов, но и трудная экономическая ситуация военного времени, которая приводила к массовому недоеданию в большинстве регионов страны. Горьковская и Кировская области находились в очень тяжелом положении.

Советское руководство в условиях военного времени не могло допустить агитации за переход к единоличным хозяйствам, так как это затруднило бы снабжение фронта и городов продовольствием. Органы НКВД отслеживали настроения единоличников и колхозников, пресекали наиболее радикальные проявления антиколхозной деятельности.

Некоторая часть бывших монашествующих распространяли в среде верующего населения Кировской области, в частности в Тужинском районе, наставления неизвестных священников: «Не нужно работать на оборонных предприятиях, не нужно брать в руки повестки и извещения и в них расписываться». Относительно своей жизни в следственных показаниях отмечали: «Я старалась жить скрытно, чтобы не быть мобилизованной. Вела бродяжнический образ жизни. Среди колхозников выступала с призывом об уходе из колхозов» (ГАСПИ КО, Су-11421: 23).

В рамках общей государственной политики, придававшей важное значение трудовым мобилизациям населения в связи с нехваткой рабочих рук на оборонительных объектах, заводах и в сельском хозяйстве, органы НКВД развернули борьбу с уклоняющимися от нее.

Постановление СНК СССР от 10 августа 1942 года «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» определяло ответственность виновных в отказе или уклонении от

трудо­вой повинности по законам военного времени и квалифици­ро­вало их по статье 59(6) УК РСФСР. Дела об уклонении от трудо­вой повинности должны были рассматриваться в военных трибуна­лах войск НКВД или ближайших трибуналах Красной армии. Подобные дела, связанные с религиозными антисоветскими моти­вами, влекли за собой суровые наказания – от 5 до 10 лет исправи­тельно-трудо­вых лагерей (Сборник... 1966: 267).

Жесткая политика государства была оправдана условиями во­енного времени. Более мягкие методы не смогли бы обеспечить бесперебойную работу предприятий и увеличение выпуска про­мышленной и сельскохозяйственной продукции. Однако в работе органов государственной безопасности было много перегибов. Особенно это касается действий по предотвращению распро­странения гражданами провокационных слухов, так как часто не пред­ставлялось возможным определить, действительно ли они дестаби­лизируют общественное спокойствие. Работа органов НКВД опи­ралась на вышедший в июле 1941 года указ Президиума Верховно­го Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди насе­ления». В нем предусматривались суровые меры наказания: «...за распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, виновные караются тюремным заключением от 2 до 5 лет, если это действие не влечет по закону более тяжкого наказа­ния» (Сборник... 1953: 416).

Бывшие священники часто проводили нелегальные богослуже­ния. В ходе их была большая опасность распространения слухов и мнений, препятствующих проведению государственной политики по ряду направлений. Органам НКВД было трудно контролировать неофициальную богослужебную деятельность не только из-за от­сутствия достаточного для нужд верующих числа действующих церквей, но и из-за нежелания бывших священников служить в церквях, контролируемых советской властью. Верующие часто предоставляли свои квартиры для проведения тайных богослуже­ний (ГАСПИ КО, Су-11421: 117).

Тайной богослужебной деятельностью занимались бывшие священники, приверженцы патриаршей ориентации и считающие себя сторонниками «Истинной православной церкви». На подполь­ных богослужениях часто высказывались негативные мнения в ад­рес советской власти. Потребность проведения богослужений и церковных таинств у народа была велика. Потеря близких, болезни,

полунищенское существование военного времени заставляли людей искать утешения в молитве. Очень малое количество церквей не давало возможности многим верующим приобщаться к церковным таинствам (крещение, причастие, соборование и др.), поэтому они не отказывались от посещения богослужений, проводимых бывшими священнослужителями. Один из них, Авель (Метешин), подтвердил, что в 1944 году он ходил по деревням Яранского и соседних районов Кировской и Горьковской областей и устраивал моления: «За это люди платили мне продуктами. Официального разрешения на проведение богослужений не имел. Антисоветской деятельности не проводил». Случалось, что бывшие игумены даже постригали желающих в монашество (ГАСПИ КО, Су-11421: 23–25).

Представители «Истинной православной церкви», в отличие от странствующих приверженцев патриаршей ориентации, даже устраивали тайные церкви, где собирались верующие. По сведениям НКВД, в Горьковской области священник Иван Ручин возглавлял тайную церковь в лесу на территории Тоншаевского района; Семен Яндулецкий проводил богослужения в тайных церквях на территории Воскресенского, Тонкинского и Шахунского районов. Иосиф Елькин руководил домашней церковью в деревне Родинцы в Татауровском районе Кировской области и давал рекомендации верующим посещать только тайные церкви (ГАСПИ КО, Су-11110, Т. 3: 206).

На протяжении Великой Отечественной войны власти вели борьбу с деятельностью подобного рода. В 1943 году на территории Кировской области была ликвидирована группа «истинно-православных». Обвинительное заключение (по статье 58-1042 и 11 УК РСФСР) было предъявлено 12 «участникам антисоветского формирования церковников, входивших в состав ликвидированной в 1937–1942 гг. организации Истинной православной церкви» за проведение среди населения работы, направленной на срыв мероприятий советского правительства по укреплению обороноспособности и военной мощи СССР. От своих взглядов верующие на суде не отказались. Представителям данной группы были вынесены суровые приговоры. Бывшие священники, которые проводили нелегальные богослужения и призывали верующих к саботированию мероприятий советской власти, были приговорены к высшей мере наказания. Большинство членов группы получили от 7 до 10 лет

исправительно-трудовых лагерей и лишение избирательных прав сроком от 3 до 5 лет (ГАСПИ КО, Су-11110: 206).

Изложенные данные позволяют сделать следующие выводы.

1. Антисоветская деятельность «истинно-православных» была характерным проявлением протестного поведения по отношению к советской власти в начальный период Великой Отечественной войны. В согласии с установкой зарубежной РПЦ формировалась поведенческая ориентация на возможность ликвидации советской власти с помощью внешних сил, в данном случае немецких нацистов. В некоторых районах доля «истинно-православных» христиан была значительной, и развитие антисоветских настроений было неприемлемо для военного времени.

2. Протестное поведение «истинно-православных» выразилось отрицательным отношением к советскому правительству, преувеличением роли нацистов в поддержке православия, разрушением мотивации службы в армии и участия в трудовой мобилизации, распространением провокационных слухов по поводу поражений Красной армии на фронте и пораженческих настроений.

3. В период Великой Отечественной войны репрессии властей по отношению к «истинно-православным» были обусловлены конкретно-исторической необходимостью мобилизации всех ресурсов на борьбу с врагом. Протестное поведение «истинно-православных», направленное на срыв мероприятий советского правительства по укреплению обороноспособности и военной мощи СССР, подвергалось жесткому наказанию в соответствии с законодательством военного времени.

Литература

Из Пасхального Послания Митрополита Анастасия 1942 г. 1942. *Церковная жизнь* 4: 51. URL: <http://www.omolenko.com/istoria/roca-and-hitler.htm#frwd7> (дата обращения: 29.10.2016).

Кротов, Л. Н. 1995. Борьба УНКВД по Кировской области с дезертирством и бандитизмом в годы Великой Отечественной войны. *Война в памяти народной: Кировская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)*. Киров: Триада, с. 23–29.

Миклин, А. Н. 1995. Деятельность РПЦ и ИПЦ в годы войны. *Война в памяти народной: Кировская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)*. Киров: Триада, с. 20–21.

Поляков, А. Г. 2015. Религиозный конфликт в контексте модернизационных процессов 1920–1930-х годов (на примере викторианского течения в Русской православной церкви). *Историческая психология и социология истории* 8(2): 40–44.

Сахарова, Л. Г. 2000. *Государственная политика по отношению к Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (По материалам Горьковской и Кировской областей)*: дис. ... канд. ист. наук. Киров.

Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917–1958). 1966. М.: МГУ.

Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952). 1953. М.: Юрид. лит-ра.

Фоменко, И. Н. 1992. Современное состояние истинно-православного христианства. *Вятская земля в прошлом и настоящем: тезисы докладов и сообщений II научно-практической конференции*: в 2 т. Т. 1. Киров: КГПИ им. В. И. Ленина.

Архивы:

ГАСПИ КО – Государственный архив социально-политической истории Кировской области.